

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1179-1185. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1179
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region)

Andrey A. Solovyev ^{a, *}, Aleksandr V. Zakharov ^a, Nadezhda L. Vinogradova ^a, Lyubov S. Solovyeva ^b

^a Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The Russian Empire was a complex socio-political phenomenon in the second half of the 19th century, thus the study of the history of the period should include a wide spectrum of subjects. The problem of the attitude of Russian intelligentsia and different state agencies towards the cultural development and public education of the population of the country deserves special scientific investigation. Rapid cultural progress of the Russian society of the time provoked the emergence of different self-defence forms of traditional society. One of them was a strict state control of education. Almost all cultural changes were hindered by rules and regulation imposed by state officials. New books were often immediately banned. The paper studies various ways of comprehension of several literary texts, which were considered illegal by the Russian state institutions of the time. The questions raised in the paper may contribute not only to scientific research but also into solving social problems. The study of the history of the educational sphere allows us to expand knowledge about the Volgograd region and Russia in general and outlines guidelines for the development of modern teaching and educational projects, since many of the tasks facing education today were relevant in the Russian province already in the pre-revolutionary period.

Keywords: education, Kamyshinsky region, The Province of the Don Cossack Host, literature.

1. Введение

Российская империя второй половины XIX века представляла собой довольно сложное социально-политическое образование, изучение которого должно включать в себя самые разные стороны. Особый интерес вызывает при этом проблема отношения интеллигенции и властных структур к культурному развитию населения. В условиях зарождавшихся форм образовательной деятельности возможности культурного прогресса, с одной стороны, появлялись, с другой – самозащита традиционных форм социальных отношений не позволяла проникать в культурную область чему-то принципиально новому, причем это новое зачастую сразу же становилось в той или иной форме запрещенным. Подобные процессы не обошли стороной и образовательную сферу.

Данная статья касается, прежде всего, процессов, связанных с освоением учащимися разного рода литературных текстов, которые не всегда одобрялись государственными институтами и руководством учебных заведений. При этом вопросы, поднимаемые в работе, могут вызывать интерес как с научной точки зрения, так и в отношении практики решения социальных проблем. Изучение истории образовательной сферы позволяет расширять знания о Волгоградском регионе и России в целом и намечает ориентиры для разработки современных учебно-воспитательных проектов, поскольку многие задачи, стоящие перед образованием сегодня, были актуальны в российской провинции уже в дореволюционный период.

* Corresponding author

E-mail addresses: lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), NVinogradova@yandex.ru (N.L. Vinogradova), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

2. Материалы и методы

Мы полагаем, что отношение к культурному просвещению населения может быть неодинаковым в разных регионах. При этом считаем, что исследования по этому вопросу учебных заведений области Войска Донского и Саратовской губернии открывают возможности для последующего сравнения их с другими областями страны. Кроме того, возможен поиск некоторых основополагающих факторов, которые с необходимостью должны присутствовать и в образовании других регионов – в этом смысле нахождение основ культурно-просветительской деятельности на юге России имеет уже значение общегосударственного масштаба.

Специфика образования опирается на исследование документов, которые оформляли правила и конкретные моменты жизни отдельно взятых учебных заведений области Войска Донского и Саратовской губернии. Следует сказать, что в этих документах нет противоречий с программами народного просвещения, существовавшими в России на тот момент. Однако они могут внести некоторую ясность в понимание хронологического развития рассматриваемой сферы.

Среди главных источников, которыми авторы воспользовались для аргументации положений статьи, назовем выписки из требовательных ведомостей, протоколы заседаний педагогических советов, шаровые книги и годовые отчеты Усть-Медведицкой мужской гимназии (1872–1875), Камышинского реального училища (1891), Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища (1890), Урюпинского реального училища (1895).

Методология исследования ориентируется на выявление как зависимости изучаемого института от социальных изменений, так и на обратное влияние его на общество в целом. Кроме того, особое внимание уделяется демонстрации специфических событий на целостный исторический процесс, а также поиску объективных предпосылок индивидуальных явлений. При этом авторы стремятся установить общие причины ряда особенных фактов.

3. Обсуждение

Если говорить об изучении специфики образования рассматриваемого периода (вторая половина XIX века), то следует обратить внимание на ряд работ, посвященных (прямо или косвенно) изучаемым вопросам. Среди них важно отметить авторов, исследовавших образование в представленном регионе (территория современной Волгоградской области): Е.Н. Акентьеву, С.В. Куликову, В.В. Мельникову, изучавших народное образование в регионе в целом ([Куликова, 2019](#); [Мельникова, 2001](#)); Н.Ф. Бичехвоста, Д.В. Пополитова, Л.В. Шадрину, касавшихся отдельных важных фактов из истории образования в регионе ([Бичехвост, 2012](#); [Пополитов, 2009](#); [Шадрина, 2014](#)); Т.Э. Зульфугарзаде и А.Ю. Перетягко, рассматривавших особенности образования в среде казачества ([Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#)).

Среди исследователей, обращавших внимание на образование в России указанного периода, назовем таких ученых, как С.И. Беленцов и О.Н. Малыхина, поднимавших вопросы, связанные с ученическим движением ([Belentsov et. al., 2015](#); [Беленцов, Малыхина, 2016](#)), а также И.В. Побережникова и Э.Д. Днепров, отдельные работы которых посвящены проблемам образования разных периодов ([Poberezhnikov, 2016](#); [Днепров, 2015](#)).

4. Результаты

Образование часто ориентируется на ценности, исторически себя зарекомендовавшие, в некотором смысле это – консервативный институт. Сохранение существующих традиций не является в данном случае чем-то исключительным. Скорее, наоборот – исключительной становится та или иная, говоря современным языком, инновационная деятельность, определяющаяся в том числе и личностными интересами участников процесса. В то же время заявленные официально цели часто не совпадают с происходящим на практике, поскольку реализация задач, ее особенности все равно зависят от тех механизмов, которые будут задействованы на региональном уровне ([Poberegnikov, 2016: 871](#)). Это значит, что образование в разных регионах может быть разным, то есть от специфики места будет зависеть сущность учебно-воспитательного процесса. Из этого в свою очередь вытекает, что образование не полностью определяется формальными установками.

В этом отношении интересно рассмотреть области учебно-воспитательной деятельности, которые могут иметь отношение как к форме, так и к содержанию. Такой областью, на наш взгляд, является читательская активность учащихся. Она имеет отношение к форме обучения и воспитания, поскольку закрепляет навык чтения, а значит, и возможность получения сведений разного характера через письменные источники. Чтение обладает и своеобразным содержанием, влияние которого на сознание учащихся ни в коем случае нельзя умалать.

Применительно к рассматриваемой нами эпохе читательская активность может иметь специфические причины и особенности. Например, С. Беленцов и О. Малыхина выделяют следующие факторы, влияющие на характер читательской активности:

- конкретные исторические реалии во всем многообразии их социальных и культурных взаимосвязей;

– уровень развития личности или общества, по отношению к которому данное понятие применяется;

– качество литературы, по отношению к которой возникает читательская активность (Беленцов, Мальныхина, 2016: 115-125).

Одновременно исследование нашего вопроса невозможно без указания на участие учащихся в той или иной внеурочной деятельности, возможные формы которой мы условно разделим на две группы:

– направленные на поддержку официально заявленных целей;

– ненаправленные на поддержку официально заявленного, в том числе выступающие против тех или иных установлений.

В разных областях России второй половины XIX века цели образовательной деятельности были примерно одинаковыми. Если ее формы могли отличаться, то задачи сводились к наполнению определенного культурного уровня и воспитания определенного типа поведения. Здесь трудно говорить о формировании некоторого «типа человека», но система норм и предписаний для юношества была приблизительно понятна. В общем виде цель учебных заведений можно свести к тому, что было прописано в постановлении одного из педагогических советов Александровской мужской прогимназии в Царицыне и сводилось к развитию «чести и правды», уважению к закону и патриотическому воспитанию «при религиозно-нравственном направлении» (Колесниченко, 1993: 10-14).

Но каким образом эти цели реализовывались? Согласно учебному плану, в гимназиях до 40 % всего времени уходило на «мертвые языки» – латынь и древнегреческий, большое внимание уделялось французскому и немецкому языкам (Куликова, 2019: 18). Таким образом, более половины всего учебного времени отводилось языкам иностранным, как древним, так и современным. Если учесть, что в программу еще входило значительное количество предметов естественно-математического цикла, то получается, что содержанию, напрямую связанному с национальной идентичностью, отводилась сравнительно незначительная часть часов. Дополнительной иллюстрацией к примерному соотношению дисциплин могут служить документы, связанные с деятельностью различных учебных заведений Донского региона, например, шаровая книга Усть-Медведицкой мужской гимназии за 1874–1875 уч. год (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-6); требовательная ведомость жалованья чинам Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища за 1890 год (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-5); список преподавателей Урюпинского реального училища 1895 г. (ГАВО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 99. Л. 1).

В данном отношении нас интересует прежде всего место русского языка и русской литературы, причем не только в рамках аудиторной деятельности, но и в той части работы учащихся, которую сейчас принято называть самостоятельной. Начнем с рассмотрения двух видов образовательной деятельности: испытания при приеме в гимназию и аудиторных форм проверки знаний и умений.

После подачи прошения в гимназию потенциальные учащиеся должны были выдержать вступительный экзамен. Необходимо было владеть правилами арифметики, знать главнейшие события священной истории Ветхого и Нового завета, а также «бегло и со смыслом читать и пересказывать прочитанное, писать под диктовку, не искажая слов...» (Куликова, 2019: 20). Получается, что умение читать уже предполагалось, но никаких указаний на знание светской литературы, даже в минимальном количестве, нет.

Если говорить об аудиторной работе, то отметим, что учебный план предусматривал классные упражнения, проводимые еженедельно в виде диктанта, изложений, а также и сочинений, в том числе на темы, заимствованные из произведений классической и отечественной литературы: «Изображение событий из отечественной истории 1812 года русскими писателями Жуковским, Крыловым, Лермонтовым», «Неуважение к предкам есть первый признак невежественности» (Пушкин), «Что такое патриотизм и почему его не всякий имеет?», «Чем русский человек может гордиться в своей истории?» (Куликова, 2019: 19).

Здесь уже можно говорить о каком-то влиянии литературного наследия, хотя задания, требующие определенного владения литературным содержанием, перемежаются с так называемыми «свободными темами». Кроме того, среди классных упражнений присутствуют изложения и диктанты, и поскольку такие формы занятий были еженедельными, то трудно предположить, как часто проводились проверки, предполагающие знание определенного литературного канона.

Отдельное внимание в данной работе мы отводим вопросу о чтении учащихся вне аудиторий и вне предусмотренных учебных программ. Если литературе в рамках образовательных учреждений уделяется мало внимания, то логично, что решение вопроса о том, что и как читать, принимается учащимися исходя из их личных пристрастий и мотивов. Часто это происходит в формах, не рекомендуемых, а иногда и просто запрещенных.

Рассмотрим Усть-Медведицкую мужскую гимназию. Учебное заведение было открыто в 1862 году, причем по инициативе местного дворянства (РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 30. Л. 2-2 об.). Но уже в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX века произошло нечто не совсем типичное для подобного рода заведений: в гимназии фактически создается нелегальная библиотека. Основным ее учредителем стал студент Селиванов, хотя ему активно помогали учащиеся пятых-седьмых классов.

Из Санкт-Петербурга присылались произведения, например, Н. Добролюбова, П. Лаврова, Д. Писарева (Крылов, Прошечкин, 2005).

Одновременно нужно указать на связь данного события с внешними факторами. Работавший тогда директор А.В. Протопопов считался строгим и стремился «оградить» образование от любого стороннего влияния. Но, даже несмотря на это, учащиеся проявили свободомыслие (в том числе и запрещенное чтение), обратив тем самым на себя внимание шефа жандармов России графа Шувалова (Бичехвост, 2012: 54).

Также интересен опыт Камышинского реального училища. Обратимся к заседаниям его педагогического совета, которые частично уже изучались нами (Ryazanov et al., 2018). Не рассматривая подробно это исследование, добавим, что интерес у контролирующих органов вызвало опять же чтение литературы, которую можно считать запрещенной.

Обратим внимание на заседание педсовета училища, состоявшееся 9 января 1891 г., на котором обсуждалось «странное поведение ученика IV класса Васильева». Судя по содержанию протокола, Васильев значительную часть времени уделял чтению таких, казалось бы, «легальных» произведений, как «жития святых», «акафист», одновременно намереваясь отправиться в Киево-Печерскую лавру и принять монашеский постриг. Несмотря на то, что учащегося признали вполне здоровым, можно было обнаружить значительное воздействие на него литературы, что говорит о рациональном ее понимании, и, поскольку требования к ученикам были достаточно высокими, трудно представить, что он не понимал читаемого. С другой стороны, интерес к указанным произведениям не запрещался, но негласно не приветствовался (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 18).

Предположим, что само по себе желание познакомиться с литературными произведениями, конечно, привязано и к другим «особенностям» данного ученика: уединенности, излишней религиозности (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 18). Но объяснить эти качества как запретные трудно, а чтение возможно. Если же обратиться к протоколу заседания педсовета, то можно заключить, что Васильев принимал решения самостоятельно, не обращаясь к духовнику, преподавателям или воспитателям, но именно это качество – самостоятельность – вызывает ряд споров.

Применительно к исследуемому нами вопросу, самостоятельность в образовании может рассматриваться и как способ его, и как результат, а также одновременно как способ и результат. Факты показывают, что учащиеся проявляли гражданскую позицию, что, несомненно, следует считать проявлением одновременно и самостоятельности в суждении. Укажем, например, на патриотическое настроение в условиях Первой мировой войны, когда ученики жертвовали в пользу раненых (Leontyeva et al., 2017: 658-659), а также сами стремились на фронт, даже участвовали в реальных боевых действиях, причем несмотря на противодействие властей (Cherkasov et al., 2016).

Выходит, что самостоятельные решения негласно классифицируются. В одних случаях они рекомендуются: способность выполнять некоторую профессиональную функцию, принимать специальные решения в инженерной, медицинской, юридической или даже педагогической деятельности. Второй пример самостоятельности – стремление на фронт – представлял собой «самостоятельность запрещенную», но «молчаливо» желаемую и впоследствии объявляемую «патриотической», то есть правильной с точки зрения системы управления. Наконец, «самостоятельность нежелательная»: разного рода «кружки по интересам», а фактически участие в молодежных и разнообразных других общественных организациях и объединениях, причем зачастую запрещенных властями.

Почему подобная ситуация возможна? С одной стороны, образование как социальный институт зависит от социальных изменений, с другой – образование является все-таки институтом консервативным, часто вынужденным транслировать системы ценностей уходящей эпохи. При этом патриотизм в общем смысле как идея почти не меняется. Участие же в разного рода кружках может рассматриваться как способ противопоставления себя существующей системе ценностей, пусть и уходящих. К такому протесту, как правило, имеет отношение и чтение. Часто там выпускается собственная литература или распространяется имеющаяся. Обычно ее авторы в той или иной степени запрещены, в противном случае она либо не соответствует «бунтарскому» духу кружка, либо малоинтересна в силу своей «разрешенности».

В этом контексте важно учитывать и специфику региона. С одной стороны, южные российские земли далеки от столицы, считаются «вольным краем», с другой – этому «вольному краю» и внимание особое, отсюда желание многих участников образовательного процесса «подстраховаться», исключить совсем уж вопиющую вольность. Вообще, на юге России среди населения доминировало казачество, значительная часть образовательных проектов была направлена на эту общность (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 819-826) с ее системой ценностей. И хотя в целом педагоги руководствовались, конечно, своими представлениями о потребностях российского общества, но учитывали вероятные последствия самостоятельного принятия решений, о чем свидетельствует опыт упоминавшейся выше Усть-Медведицкой гимназии (Бичехвост, 2012). Когда вокруг преимущественно люди, в своих действиях ориентирующиеся на иерархию и традицию, трудно что-то противопоставить запретам не только в организационном, но даже в идеологическом смысле. Местное население, на которое так или иначе направлена миссионерская деятельность пионеров образования на Волге и Дону, могла и не понять «новых веяний» и отказаться от такого вольного обучения, в котором допускалось чтение запрещенной

сверху литературы, особенно учитывая то, что большая часть населения страны до конца XIX века, с большой степенью вероятности, была вообще неграмотной, так как даже всеобщее начальное образование не было в этот период введено (Клевцова, Жиров, 2016: 1229). Поэтому трудно предположить, что чтение было основной формой досуга населения юга России. Профессионально же увязана с художественной литературой была, вероятно, совсем ничтожная его часть. Зависимость же успеха в какой-либо деятельности от знания литературы не так очевидна и уж тем более не очевидна необходимость изучения чего-то помимо школьной программы.

Если снова обратиться к протоколу заседания педсовета Камышинского училища от 1 марта 1891 года, то выясняется, что не особенно приветствовалось чтение не только книг, но и журналов. Приводится список изданий, приобретаемых обучающимися вскладчину. Среди них и те, которые можно считать вполне умеренными: «Северный вестник», «Русская мысль», журнал умеренных либералов. Данные архива показывают некоторое стремление педагогов предотвратить уклонение молодых людей от учебного процесса, связанное с выбором самостоятельных занятий, в том числе чтения (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 24). То есть выходит, что положительное влияние чтения на учебный процесс не рассматривалось, более того, допускалась вероятность отрицательного его влияния. Подобное состояние пересекалось с милитаристскими настроениями южной России, вступая в противоречие с курсом, целью которого является строго определенное воспитание черт человека.

Литература в строгом смысле является общеобразовательной дисциплиной, ее изучение воспитывает интерес к чтению, увеличивает словарный запас, прививает любознательность в целом. С одной стороны, существует вероятность, что, во-первых, все это требовалось, но желательно с меньшими социальными затратами. С другой – есть вероятность, что власти, промышленности, да и самому образованию необходимы были юноши, в науках разбирающиеся специфически, то есть владеющие прежде всего основами документации и новыми достижениями техники, любознательность «вообще» могла считаться и «вредным» качеством, общий словарный запас вряд ли был необходим в практической жизни – там нужно было уметь разбираться в специальных терминах.

Одновременно мы приведем два косвенных аргумента в отношении значимости литературы в школьном образовании того времени:

– отсутствие отдельного предмета, обозначаемого как «литература»; чтение преимущественно в пределах дисциплины «русский язык и словесность», но нельзя утверждать, что в программу этой дисциплины входило значительное количество литературных произведений;

– в отдельно взятых работах и идеях того времени особо подчеркивалось значение воспитания, при этом о литературе там почти ничего не говорится, хотя, казалось бы, именно чтение имеет решающее воспитательное значение, например, в работе С.И. Беленцова прописаны разные авторы того времени, такие как Вахтеров, Вентцель, Игнатъев, Ильин, Каптерев, Роков, Синицкий. Они рассуждают о разных факторах, касающихся воспитания: и правовом просвещении, и трудовой деятельности, и религиозной, и духе товарищества (Беленцов: 2015) – но практически ничего о «воспитании чтением», как будто таковое вовсе не предполагалось.

5. Заключение

Хотелось бы отметить в качестве вывода данной работы значительное внимание, уделяемое вопросу о свободном времяпрепровождении учащихся в Камышинском и Донском регионах второй половины XIX века, в том числе и проблеме самостоятельного чтения. Отсутствие такого предмета, как «литература», вкупе с ограниченностью внеклассного чтения приводит к отсутствию управляемости содержанием читаемого. Это в свою очередь повышает вероятность того, что к учащимся попадет литература опасная, в некоторых случаях запрещенная. Нельзя однозначно говорить об отрицательном влиянии таких процессов, но сама по себе эта ситуация достаточно противоречива.

Литература

Беленцов, Мальхина, 2016 – Беленцов С.И., Мальхина О.Н. Читательская активность как социально-педагогический феномен // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2016. 3 (20). С. 115-125.

Беленцов, 2015 – Беленцов С.И. Теоретические основы гражданского воспитания в русской педагогической литературе конца XIX – начала XX вв. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2015. 1 (14). С. 115-122.

Бичехвост, 2012 – Бичехвост Н.Ф. Тайны старых архивов. Волгоград, 2012.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

Днепров, 2015 – Днепров Э.Д. Российская образовательная политика XIX – начала XX вв. в зеркале законодательных актов (Фрагменты из книги Э.Д. Днепров) // *Вопросы образования*. 2015. № 2. С. 279-288.

Колесниченко, 1993 – Колесниченко В.С. Царицынские школы: история и опыт (1773–1917). Волгоград, 1993.

Крылов, Прошечкин, 2005 – Крылов Н.Б., Прошечкин С.Е. Нелегальная библиотека в станице Усть-Медведицкой в 1870 году // *Вопросы краеведения*. № 8. 2005. С. 87-89.

Куликова и др., 2019 – Куликова С.В., Аментьева Е.Н., Кузибецкий А.Н., Святин М.А. Путь длиною в 100 лет: историко-педагогическое наследие волгоградской системы образования: практико-ориентированная монография. Волгоград, 2019.

Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001.

Пополитов, 2009 – Пополитов Д.В. Развитие системы образования в Донской епархии во второй половине XIX – начале XX века (на примере Хоперского округа) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. 32 (170). История. 35. С. 100-104.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Шадрина, 2014 – Шадрина Л.В. Общественная деятельность духовенства Донской епархии конца XIX – начала XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Ч. 1. 2014. 1 (39). С. 212-215.

Belentsov et al., 2014 – Belentsov S.I., Douger O.P., Kuznetsova A.A., Agronina N.J., Barkova V.L. Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of the XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension // *Bylye Gody*. 38 (4). pp. 940-947.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 1: 4-11.

Klevtsova, Zhirov, 2016 – Klevtsova O.V., Zhirov N.A. The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province) // *Bylye Gody*. 2016. 42 (4): 1224-1231.

Leontyeva et al., 2017 – Leontyev A.N., Leontyeva E.Ju., Bogdanova I.N. The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings // *Bylye Gody*. 2017. 44 (2): 653-662.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A. M. Dondukov-Korsakov, Kh. I. Popov, N. I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6 (4): 817-829.

Poberezhnikov, 2016 – Poberezhnikov I. V. Russian Imperial Modernization: The General and the Specific. // *Bylye Gody*. 2016. 41-1 (3-1): 867-673.

Ryazanov et al., 2019 – Ryazanov A.V., Solovyev A.A., Zakharov A.V., Solovyeva L.S. Specifics of Popular Education in Russian Province at the Turn of the 20th Century (Based on the Materials of Volgograd State Archive) // *Bylye Gody*. 2019. 2 (52): 792-799.

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherov I.A., Shirev D.A. Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7 (1): 226-231.

References

Belentsov, 2015 – Belentsov S.I. (2015). Teoreticheskie osnovy grazhdanskogo vospitaniya v russkoi pedagogicheskoi literature kontsa XIX – nachala XX vv. [Theoretical backgrounds of civic upbringing in Russian pedagogical literature at the end of the 19th century and beginning of the 20th century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 1 (14): 115-122. [in Russian]

Belentsov, Malykhina, 2016 – Belentsov S.I., Malykhina O.N. (2016). Chitatel'skaya aktivnost' kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen [Reading activity as a socio-pedagogical phenomenon]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 3 (20): 115-125. [in Russian]

Bichekhvost, 2012 – Bichekhvost N.F. (2012). Tainy starykh arkhivov [The secrets of old archives]. Volgograd. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 1: 4-11.

Dneprov, 2015 – Dneprov E.D. (2015). Rossiiskaya obrazovatel'naya politika XIX nachala XX vv. v zerkale zakonodatel'nykh aktov. (Fragments from the book E. D. Dneprova) [Russian legislation on educational politics at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century]. *Voprosy obrazovaniya*. 2: 279-288. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].

Klevtsova, Zhirov, 2016 – Klevtsova O.V., Zhirov N.A. (2016). The Primary Education in Post-reform Russian Village (on the Materials of Eletski County Orel Province). *Bylye Gody*. 42 (4): 1224-1231.

Kolesnichenko, 1993 – Kolesnichenko V.S. (1993). Tsaritsynskie shkoly: istoriya i opyt (1773–1917). [Tsaritsin schools. History and experience (1773–1917)]. Volgograd. [in Russian]

Krylov, Proshechkin, 2005 – Krylov N.B., Proshechkin S.E. (2005). Nelegal'naya biblioteka v stanitse Ust'-Medveditskoi v 1870 godu. [Illegal library in stanitsa Ust'-Medveditskaya in 1870]. *Voprosy kraevedeniya*. 8: 87-89. [in Russian]

Kulikova et al., 2019 – Kulikova S.V., Akent'eva E.N., Kuzibetskii A.N., Svyatin M.A. (2019). Put' dlinoyu v 100 let: istoriko-pedagogicheskoe nasledie volgogradskoi sistemy obrazovaniya: praktiko-orientirovannaya monografiya [The way one hundred years long. Historical-pedagogical heritage of Volgogradian system of education. Practical monography]. Volgograd. [in Russian]

Leontyeva et al., 2017 – Leontyev A.N., Leontyeva E.Ju., Bogdanova I.N. (2017). The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings. *Bylye Gody*. 44 (2): 653-662.

Melnikova, 2001 – Melnikova V.V. (2001). Narodnoe obrazovanie v XIX – nachale XX vv. [People's education at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century]. Volgograd. [in Russian]

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6 (4): 817-829.

Poberezhnikov, 2016 – Poberezhnikov I.V. (2016). Russian Imperial Modernization: The General and the Specific. *Bylye Gody*. 41–1 (3–1): 867-673.

Popolitov, 2009 – Popolitov D.V. (2009). Razvitie sistemy obrazovaniya v donskoj eparhii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na primere Hoperskogo okruga) [The development of the educational system in the Don diocese at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century. (The experience of Khoper region)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 32 (170). Istorija. 35. pp. 100-104. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Ryazanov et al., 2019 – Ryazanov A.V., Solovyev A.A., Zakharov A.V., Solovyeva L.S. (2019). Specifics of Popular Education in Russian Province at the Turn of the 20th Century (Based on the Materials of Volgograd State Archive). *Bylye Gody*. 2 (52): 792-799.

Shadrina, 2014 – Shadrina L.V. (2014). Obshhestvennaja dejatel'nost' duhovenstva Donskoj eparhii konca XIX – nachala XX veka. [Social activity of the Don diocese clergy at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (39): 212-215. [in Russian]

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A. (2018). Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 7 (1): 226-231.

Литературное просвещение учащихся в российской провинции второй половины XIX века (на примере области Войска Донского и Камышинского уезда)

Андрей Александрович Соловьев ^{a, *}, Александр Владимирович Захаров ^a,
Надежда Леонидовна Виноградова ^a, Любовь Сергеевна Соловьева ^b

^a Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Российская империя второй половины XIX века представляла собой довольно сложное социально-политическое образование, изучение которого должно включать в себя самые разные стороны. Особый интерес вызывает при этом проблема отношения интеллигенции и властных структур к культурному развитию населения. В условиях зарождавшихся форм образовательной деятельности возможности культурного прогресса, с одной стороны, появлялись, с другой – самозащита традиционных форм социальных отношений не позволяла проникать в культурную область чему-то принципиально новому, причем это новое зачастую сразу же становилось в той или иной форме запрещенным. Подобные процессы не обошли стороной и образовательную сферу. Одним из самых распространенных средств защиты традиционного общества и его социальных институтов стал строгий контроль государственных органов над изданием и распространением литературных произведений. Создавались списки произведений, запрещенных для чтения в школах.

Данная статья касается, прежде всего, процессов, связанных с освоением учащимися разного рода литературных текстов, которые не всегда одобрялись государственными институтами и руководством учебных заведений. При этом вопросы, поднимаемые в работе, могут вызывать интерес как с научной точки зрения, так и в отношении практики решения социальных проблем. Изучение истории образовательной сферы позволяет расширять знания о Волгоградском регионе и России в целом и намечает ориентиры для разработки современных учебно-воспитательных проектов, поскольку многие задачи, стоящие перед образованием сегодня, были актуальны в российской провинции уже в дореволюционный период.

Ключевые слова: народное образование, Камышинский уезд, область Войска Донского, литература, чтение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров), NVinogradova@yandex.ru (Н.Л. Виноградова), solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)